

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В МИЛИТАРНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ)

Т.В. Елифанова

Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск

В статье рассматривается лексико-концептуальный уровень современного милитарного дискурса. На материале региональных СМИ (медиатекстов Луганской Народной Республики, творчества донецкого военного корреспондента Ю. Андриенко) изучается наиболее активный элокутив в текстах о войне и для войны – метафора, актуализирующая концептуализацию военных событий в языке и участвующая в формировании военной картины мира. Выделяются фреймы в составе метафорической модели «война».

Ключевые слова: *милитарный дискурс, элокутив, концептуальная метафора, лиминальность.*

Социокультурное пространство современности отмечено пристальным вниманием к военно-политической проблематике, актуализированной рядом вооружённых конфликтов, вспыхивающих в разных странах мира. Количество текстов, посвящённых интерпретации военных противостояний и освещению военных событий, экспоненциально возрастает (медиатексты, литературно-художественные произведения, политическая риторика, бытовая речь). Однако прагматическая установка милитарного дискурса – дескрипция реалий войны, военная терминосистема, тексты, регулирующие деятельность вооружённых сил, – сочетается с концептуальной интенцией – т. е. формированием новой картины мира. В.И. Теркулов в связи с этим отмечает, что «события вооружённого противостояния не просто реализуются в текстах о войне, они формируют некоторое языковое пространство, языковую картину мира, точнее – войны, в которой отражается видение конфликта его организаторами, идеологами, пропагандистами, участниками и жертвами» [13: 863].

Комплексность военного языкового пространства, отмеченная В.И. Теркуловым, вообще присуща милитарному дискурсу, который следует анализировать системно, т. е. фокусироваться не только на специфике «речевой организации картины мира военнослужащих» [14: 3], а и на речепроизводстве всех связанных с вооружёнными силами субъектов, «в совокупности всех коммуникативных реализаций и в единстве с социокультурными, прагматическими, психологическими факторами» [5: 15]. Представляется, что одним из факторов институционализации милитарного дискурса является вообще военная

среда, а также контекст вербализации и описания военной проблематики. Современные дискурсивные практики в эпоху антропологического поворота и цифровизации обретают новые свойства, среди которых гибридность, мультимодальность, гипертекстуальность, поликодовость (Л.Н. Синельникова (см.: [5: 230]), что обеспечивает «языковую открытость» военных текстов (усиленная элокуция, лингвокреатив, преодоление формульности и стандартизации текстов о войне, субъективизм и экспрессивность речевых практик). В условиях активизации военно-политического конфликта на территории Донбасса возрастает роль элокутивов (т. е. изобразительно-выразительных средств, тропов и стилистических фигур [10]) и языковой креативности (см., напр.: [6]), которые позволяют выразить в текстах разных жанров соответствующую идейную концентрацию и необходимую языковую экспрессивность. Это обуславливает активизацию использования метафоры в новейшей военной журналистике, современных художественных текстах о войне (к примеру, проза З. Прилепина, М. Шишкина, поэзия Е. Заславской, С. Тишкиной, С. Лобанова, драматургия Г. Боброва), актуальных политических высказываниях (В.В. Путина, С.В. Лаврова, М.В. Захаровой).

Метафора, будучи одной из основных форм постижения мира, его концептуализации и категоризации, позволяет в динамической системе «разворачивающихся вокруг человека “атомарных факторов”, т. е. событий, явлений, свойств» мироздания (В.Н. Телия) [11: с. 3] объять, познать и объяснить реальность, создать устойчивую картину мира. Метафоризация объективной действительности создаёт основу для её концептуализации. Концептуальная метафора служит для отражения фундаментальных культурных ценностей и является частью инструментария мышления человека и формой познания мира (Л.В. Балашова (см.: [1: 3])).

В.А. Маслова считает, что у метафорической концептуализации есть особый механизм. До вербализации понятия не существует, но есть некое предварительное знание о нём, которое помогает представить приблизительный объём понятия. Предварительное знание, которое опирается на культурную базу человека, обуславливает выбор языкового средства для вербализации понятия. После этого мыслительные сущности, вещи, понятия, которые мы не можем непосредственно наблюдать, соотносятся через метафору с какими-то конкретно наблюдаемыми или воображаемыми образами [8: 59]. «Переносу» значения подвергается не столько изолированное имя, какая-то названная сущность, а целостная концептуальная структура – схема, фрейм, модель, сценарий, которая активируется метафорой в сознании носителя языка [8: 60]. Традиционно в метафоре видели отдельный объект, изолированный от системы текста; при концептуальном подходе к метафоре становится возможным представить «целостную картину

видимого реального мира, которая используется для репрезентации и осмысления объёмного и многоаспектного явления» [12: 159]. Своеобразие концептуальной метафоры, таким образом, в том, что в её основе лежат не только значения слов и объективные категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты.

В семантическом ядре военного дискурса, по нашему мнению, находится ряд концептов, которые получают метафорическое воплощение в текстах разных жанровых типов: *война, воин-герой, семья, победа, Отечество, дом, государство*. Концептуальный уровень современного военного дискурса обретает оценочную составляющую, не характерную для языковой картины мира военной сферы в области нормативных документов (см., напр.: [7]), но явленную в интердискурсивных «текстах новой природы» о войне (Л.Н. Синельникова). А.В. Олянич обращает внимание на то, что «так мир отражается языком человека-воина (добавим, что ввиду гетерогенности военного дискурса можно говорить о языке любого человека, осмысляющего войну. – Т. Е.), и соответственно даже сугубо “гражданская” – “цивильная” концептосфера приобретает милитаристский характер и становится дуалистически оппозиционной, разделяя бытие на “своё / чужое”, а коммуникантов внутри всеобщего бытия на “своих” и “чужих”» [9: с. 165–166]. В связи с этим очевидны новейшие приметы стилистического уровня военного дискурса, обусловленные проникновением личностного начала в тексты «о войне и для войны» (Т.Н. Хомутова, К.А. Наумова): *идеологичность, апелляция к личному опыту* (в том числе *автобиографичность*), *нравственная оценка происходящего*. Участники, наблюдатели и аналитики военного противостояния концептуализируют мир милитаристски ориентированными языковыми средствами (что охватывает номинации военной техники, проникновение метафор в жаргон, коммуникативные тактики социальной рекламы и проч.), перенося личный опыт коммуникантов в сферу понимания и осмысления военных событий, «внося дух борьбы в жизнь и в общение, вовлекая в коммуникацию концепт “война”» [9: 166]. (Это, к слову, позволяет относить милитарный дискурс к бытийному типу в классификации В.И. Карасика.)

Описанию и анализу военных метафорических конструкций в дискурсе посвящены научные изыскания А.В. Кротова и О.В. Соболевой, О.А. Черниковой (метафорический перенос в военном жаргоне), Д.О. Старченко (типология метафор военной терминосферы), Ю.В. Толстокулаковой, И.Е. Конашенко, Л.Б. Ивановой, Р.Р. Хазиевой (военная метафора в политическом медиадискурсе), Т.А. Котиевой, О.Г. Ананченко, А.Т. Бакиева, О.Ф. Костиковой (моделирование военной метафоры в текстах СМИ). Создана внушительная база для интерпретации и типологизации метафор о войне в различных жанроводискурсивных формах. Поэтому актуально исследование

концептуальной метафоры как одного из ведущих элокутивных средств собственно военного дискурса современных массмедиа, в которых, как считает О.С. Иссерс, «формирование общественного сознания осуществляется преимущественно с помощью языковых средств, что обусловлено спецификой доминирующих каналов коммуникации в современном обществе» [3: 80]. В рамках статьи проанализированы материалы, представленные на сайте Луганского Информационного Центра (далее – ЛИЦ) как ведущей новостной платформы в Луганской Народной Республике: <https://lug-info.ru/>, а также блоги, сводки, репортажи и аналитические статьи военных корреспондентов Донбасса.

Метафорическое воплощение семантики войны в большей степени характерно для медиатекстов, которые извещают о военных событиях, обострившейся политической ситуации, дипломатических контактах. Множество метафор в военном дискурсе масс-медиа свидетельствует о лексико-концептуальной открытости военных понятий, образов, категорий для современного литературного языка. Метафорическая концептуализация как процесс мыслительной деятельности оказывается эффективным инструментом объяснения и категоризации через привычные (или же, напротив, нестандартные, неожиданные) языковые средства сложной военной обстановки, напряжённой военно-политической ситуации, острых дипломатических отношений между противоборствующими странами. Некоторые отмеченные в региональных медиатекстах метафоры достаточно частотны и универсальны, политически ориентированы: *смерть дышала в лицо, облик войны, дипломатический фронт, пахнет войной, информационное противостояние, коллективный Запад, западные «партнёры», киевский режим, жертва фашистов, адская работа, верхний уровень терроризма, тяготы службы*. Лексемы, содержащие негативную семантику ('смерть', 'фронт', 'ад', 'режим', 'жертва', 'терроризм', 'сложность'), наиболее востребованы в метафорической модели «война», так как позволяют адекватно передать нездоровое, неправильное состояние реальности. Прецедентные феномены (фашизм, режим как форма тоталитаризма, коллективный Запад как наследие «холодной войны») вызывают в сознании устойчивые ассоциативные связи с минувшими военными конфликтами, актуализируют устойчивые смыслы (напр., Россия как победитель фашизма).

Собственно метафорическую модель «война» (являющуюся частью военной картины мира), которую позволил выявить дискурс-анализ региональных медиатекстов, составляют следующие компоненты-фреймы.

1. Глагольные метафоры метонимического типа характерны при **описании действий** вооружённых сил и **способов ведения войны**; метафоры при этом оказываются обиходно-бытовыми, так как переносное значение уже стирается в сознании коммуникантов, и

становятся наиболее частотными в жанре сводок; приведём несколько недавних формульных и типичных конструкций: **Силы ПВО России за ночь уничтожили 125 беспилотников врага** (ЛИЦ от 29.09.2024); **Силы ПВО сбили над Луганском беспилотник самолётного типа** (ЛИЦ от 29.09.2024); **ВС РФ нанесли групповой удар по аэродромной инфраструктуре ВСУ** (ЛИЦ от 28.09.2024); **Армия России освободила населённый пункт Мариновка в ДНР** (ЛИЦ от 27.09.2024); **Армия России поразила объекты энергетики и военный аэродром на Украине** (ЛИЦ от 26.09.2024); **ВС РФ за сутки поразили скопления живой силы и технику ВСУ в 153 районах** (ЛИЦ от 25.09.2024); **Армия России улучшила позиции на территории ЛНР** (ЛИЦ от 22.09.2024). **Украинский дрон атаковал пожарную часть в Кременной** (ЛИЦ от 12.09.2024). Глаголы, метафорически связанные с боевыми действиями (*уничтожить, нанести удар, сбить, поразить, занять, разрушить, освободить, захватить* и др.), а также маркеры войны (наименования вооружения, звания военных) оказываются устойчивыми компонентами военной метафоры. Встречаются иногда нетипичные глаголы, используемые для описания ведения военных действий, – связано это в первую очередь с эмоциональной оценкой, выраженной в высказывании военного корреспондента или политика; к примеру: *«До тех пор, пока мы их не выкинем с нашей территории, мы, естественно, никаких переговоров с ними вести не будем»* (фраза С.К. Шойгу) (ЛИЦ от 10.09.2024); *«От вас сбежали, уплыли, уползли, а вы рассчитываете на добровольцев?»* (фраза военного корреспондента С. Обищенко) (ЛИЦ от 09.09.2024); *«... вторжение ВСУ в Курскую область провалится, и возникнет после этого желание не на словах, а на деле переходить к мирным переговорам и решать эти вопросы мирными средствами»* (фраза В.В. Путина) (ЛИЦ от 02.09.2024). Непосредственного отношения к региональной специфике такого рода оценочные высказывания не имеют, однако свидетельствуют об общих закономерностях изменения концептуально-лексического уровня милитарного дискурса.

2. Метафоризация прослеживается во фрейме **«виды вооружения, военные реалии»**: *огромная промышленная машина, более выгодные рубежи, скопления живой силы и техники, НАТОвское оружие, направлять ракетные удары, всевозможные военные легионы, тяжёлый труд сапёра, увеличение напряжённости фронта*.

3. Фрейм **«участники военных действий»** связаны как с конструированием образа воина-героя, так и образа врага. Для создания облика героя-защитника актуализируются культурные ценности в метафоре: *Казак, боксер, доброволец Павел Шувальский: «Добро должно быть с кулаками»*, *воины Христовы, одна хорошая и крепкая семья (о деятельности боевого подразделения)* (ЛИЦ от 26.09.2024); *доброволец Закавказья* (ЛИЦ от 20.09.2024); *потомственный сапёр* (ЛИЦ от 08.09.2024); *нашии защитники* (ЛИЦ от 30.08.2024); *служба по*

контракту: о том, как видят долг настоящие мужчины (ЛИЦ от 24.08.2024); это у нас в крови: когда враг на пороге, мы встаем плечом к плечу (ЛИЦ от 24.08.2024). Метафорическая модель описания героев войны содержит семы 'семья', 'род', 'Отечество', 'мужество', 'единство', культивируя традиционные и прецедентные для русского менталитета понятия.

Обнаруживаются метафорические контаминации, актуализирующие оппозицию «мир – война» в контексте одного высказывания, напр.: *Ещё одна жертва укрофашистов, убитый НАТОвским оружием* (ЛИЦ от 24.09.2024); *битва добра со злом* (ЛИЦ от 24.08.2024). В метафорах подобного типа важен акцент на чёткое разграничение «чужих» и «своих», которые, соответственно, соотносятся с положительным (сакральная жертвенность, конкретное добро) и отрицательным (негативная окказиональная номинация врага («укрофашисты»), укрупнение образа врага (оружие, предоставляемое Украине странами – членами НАТО, конкретное зло).

Негативные коннотации обретают устойчивые метафоры с военной лексикой, которые используются для характеристики противоборствующей стороны конфликта: *Запад врёт об истощении запасов вооружения, чтобы усыпить бдительность России* (ЛИЦ от 26.09.2024); *приверженец идеологии неонацизма* (ЛИЦ от 26.09.2024); *Куда бы ни пришла украинская саранча, после себя она оставляет пустыню* (ЛИЦ от 13.09.2024); *открытая база данных врагов России* (ЛИЦ от 17.09.2024); *западные спонсоры, жизнями украинских детей, поставленных таким образом под удар, клика Зеленского пренебрегает* (ЛИЦ от 16.09.2024); *Украина сегодня – просто полигон для испытания всех военных возможностей* (ЛИЦ от 08.09.2024); *Украинская «Баба-яга» потерпела фиаско, пытаясь прикрепить флаг на телевышку в Кременной* (ЛИЦ от 23.08.2024)

4. Однако метафорические модели, которые презентуют макроконцепт «война», заметны и в медиатекстах, посвящённых описанию бытовой жизни в условиях военного противостояния. Так, для военного дискурса характерно «одухотворение» в публицистическом духе военных реалий. А.В. Дроздова отмечает, что освещение военной жизни в военной журналистике «пропускается» сквозь «личное, семейное, профессиональное и бытийное», а результаты обстрелов городов, гуманитарные катастрофы, ситуацию на передовой военный корреспондент репрезентует «совокупностью фактических данных, обрамлённых публицистической рефлексией» [2: 43]. Ю. Андриенко, военный корреспондент из Донецка, создаёт антропоморфную метафору тревоги в городском пространстве, подверженном атаке: *«Курск встречает меня сиреной воздушной тревоги, едва я выхожу из железнодорожного вокзала. Она протяжно набирает обороты, будто ввинчиваясь с каждым новым иу-у в мозг, и замолкает обиженно и*

разочарованно где-то через полторы минуты»; «вой сирены мерещится, даже когда его нет»; сирена уподобляется «лучшей колыбельной в мире», которая тоже охраняет сон – «не пропустит беду, защитит, прикроет» (<https://www.kp.ru/daily/27638/4988980/> от 25.09.2024). Военный корреспондент акцентирует внимание на оппозиции «война – мир», предлагая метафорические номинации для описания лиминального состояния мира: *«Но эта жизнь – наполовину мирная», «курские снежинки», «бетонная рукавичка Курска»* (бетонные укрытия) (полоски из скотча на окнах) (<https://www.kp.ru/daily/27638/4988980/> от 25.09.2024). Метафорические номинации проявляются как основа антитезы мирного времени и военного: *«Вместо пионерского костра в лесу – мины, вместо малышей в кроватях – националисты: от детских лагерей под Авдеевкой остались лишь воспоминания»* (<https://www.kp.ru/daily/27618/4968962/> от 07.08.2024); антропоморфная метафора *«Донецк просыпается рано»* способна органично сочетаться с военной метафорой *«близкое дыхание фронта»* (<https://www.kp.ru/daily/27604.5/4955742/> от 07.07.2024). Пограничность оказывается ключевым описанием нынешнего состояния мира в условиях войны: жительница прифронтовой Горловки, по мнению Ю. Андриенко, *«фронтовые сводки смотрела не по телевизору, а непосредственно – в своем окне»* (<https://www.kp.ru/daily/27622/4973522/> от 19.08.2024); фреймы, связанные с миром (дети, домашние животные, подвал, небо), обретают в концептуальной метафоре новые значения (подвал – убежище, небо же, напротив, источник вооружённой атаки): *«Люди, хватая детей и кошек, бежали в подвалы, а с неба летела смерть»* (<https://www.kp.ru/daily/27613.5/4964520/> от 28.07.2024). Лиминальность оказывается важной метафорической характеристикой не только городского пространства, но мирных жителей; напр., религиозная метафорика актуальна для описания людей, которые изменили своё отношение к военному противостоянию: *«Если были ещё в моём городе блаженные, которые глядя, как к этому времени пылали Одесса, Славянск, Мариуполь, считали, что их это не коснётся, то в конце июля они исцелились и открыли глаза»* (<https://www.kp.ru/daily/27613.5/4964520/> от 28.07.2024).

Таким образом, концептуализация войны в метафорической модели происходит в разных векторах. С одной стороны, семантика концепта «война» проявляется в активизации метафорических номинаций описания военных действий, обозначений реалий войны и вооружения, характеристики противоборствующих сторон. С другой стороны, даже бытовые реалии (пространство прифронтового города, быт мирных людей) тоже метафоризируется в милитарном дискурсе. Общим признаком концептуальной метафоры милитарного дискурса при описании разнородных состояний военной ситуации становится лиминальность – пограничность семантики, связанная с актуализацией

оппозиции «мир – война», а также антропоморфная языковая реализация. Активизация военной метафорики свидетельствует о потребности общественного сознания в осмыслении и категоризации реального воплощения военных действий в жизни. Элокуция становится отражением интердискурсивности «текстов новой природы» о войне и для войны, лингвокреатива и является свидетельством деинституционализации милитарного дискурса.

Список литературы

1. Балашова Л.В. Метафора в диахронии. Саратов: Изд. Саратов. гос. ун-та, 1998. 216 с.
2. Дроздова А.В. «Как калейдоскоп мелькают кадры...»: сетевой дневник военкора Юлии Андриенко // Военная журналистика в современном мире : мат. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Луганск, 12 апр. 2023 г.). СПб.: Медиапир, 2023. С. 42–45.
3. Иссерс О.С. Разговор о гражданском обществе: дискурсивные практики в СМИ и блогосфере // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. Одесса, 2014. С. 80–85.
4. Сдобнова Ю.Н. Лингвистическое отображение современных социальных тенденций в институциональном дискурсе Вооруженных Сил Франции : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 «Романские языки»; Московский гос. лингвист. ун-т. М., 2014. 24 с.
5. Синельникова Л.Н. Научный дискурс в контексте цифровой гуманитаристики // Пандемия-22: преподавание, анализ, дискурс в естественном многообразии иностранных языков. М.: РУСАЙНС, 2022. С. 226–236.
6. Слизкова М.А. Актуализация лингвокреативности в дискурсе (на примере документально-художественной прозы автора статьи) // Дискурсология: язык, культура, общество : сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (10–11 апреля 2024 г., г. Луганск). Луганск: Издательство ЛГПУ, 2024. С. 73–78.
7. Степанов Е.А. Языковая картина мира военной сферы : лингвокультурологический и терминологический аспекты : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 «Теория языка»; Военный ун-т. М., 2012. 17 с.
8. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2004. 296 с.
9. Олянич А.В. Милитарный (военный) дискурс // Дискурс-Пи. 2015. № 15. С. 165–167.
10. Пекарская И.В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических фигур русского языка: дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 «Русский язык»; Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова. Абакан, 2001. 483 с.
11. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 26–52.

12. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173–207.
13. Теркулов В.И. Лингвистика войны: тактики восприятия и воздействия // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 6. С. 862–870.
14. Уланов А.В. Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция : автореферат дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 «Русский язык»; Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. Омск, 2014. 22 с.

Об авторе:

ЕПИФАНОВА Татьяна Владимировна – ассистент кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий, Луганский государственный педагогический университет (291011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2), e-mail: epifanova-tat@mail.ru

CONCEPTUAL METAPHOR IN MILITARY DISCOURSE (BASED ON THE REGIONAL MEDIA)

T.V. Epifanova

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk

The article examines the lexical and conceptual level of modern military discourse. Based on the material of regional media (media texts of the Luhansk Public Republic, the work of Donetsk war correspondent Yu. Andrienko) studies the most active eloquent in texts about war and for war – a metaphor that actualizes the conceptualization of military events in language and participates in the formation of a military picture of the world. Frames are highlighted as part of the metaphorical model of “war”.

Keywords: *military discourse, elocution, conceptual metaphor, liminality.*

About the author:

EPIFANOVA Tatyana Vladimirovna – Assistant Professor of the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies, Lugansk State Pedagogical University (291011, Lugansk, Oboronnaya 2), e-mail: epifanova-tat@mail.ru

Статья поступила в редакцию 01.10.24

Подписана в печать 13.10.24